

Александр Боткарёв

Первый снег

С неба падает первый снег
Белым кружевом зимних грёз.
Замедляют снежинок бег
Кроны дремлющие берёз.

Я, волнуясь, ступил на порог,
Не увидел нигде следа.
Проторённых путей-дорог
Как и не было никогда.

Словно в детском волшебном сне,
Удивляясь, понять хочу:
Или падает с неба снег,
Или я сквозь него лечу.

* * *

Я иду в осенние луга
Берегом серебряной речушки.
К вам иду, уснувшие стога,
Отдохнуть на клеверной подушке.

Полежу, свободный и босой,
Погляжу осенние картинки.
На луга, омытые росой,
Бабье лето сеет паутинки.

Клевер нежно ластится к ногам,
Небо всё из ласкового света.
Благодарен небу и стогам
За блаженство редкостное это.

Окна

На восток и на юг
Смотрят окна мои.
Рядом с ними поют
По весне соловьи.

Заливает луна
В окна свет по ночам.
В эти ночи она
Муза мне и свеча.

А когда настаёт
Величавый восход...
Это не воспоёт
Даже тысяча од.

На восток и на юг
Очи окон резных.
Входит в душу мою
Чудный мир через них.

Май

Днём звенит залиvistым бубенчиком
Жаворонка радостная трель.
Слушает берёза в звёздном венчике
Ночью соловьиною свирель.

Дышит сад цветением за окнами.
Дивный хмель – в сиреновом вине.
Юный май волнующими соками
Снова разливается во мне.

* * *

Осенний лес и в дождь благообразен.
Приятны взору чистые поля.
В природе нет ни мусора, ни грязи,
Опавший лист и мокрая земля.

Уходит осень. Светлое прощанье
Надолго в сердце хочется сберечь,
Его лелеять, словно обещанье
И новых с нею трогательных встреч.

* * *

С нами в жизни всякое бывает,
Временами белый свет не мил –
Тёплыми дождями вымывает
Из души тяжёлой чёрный ил.

Безысходно тягостно бывает,
Кажется, и пулю бы в висок –
Свежими ветрами выдувает
Из груди горячечной песок.

Сердце неожиданно, бывает,
Горькая потеря сокрушит –
Ласковое солнце согревает
Холод цепенеющей души.
В этой жизни всякое бывает...
Всё невозмоги и подожди –
Раненые души оживают,
Были б солнце, ветры и дожди.

Париж

Ну о чём говоришь –
Не слова, отравы:
«Ах, увидеть Париж!»
Эка невидаль, право.

Лучше наша заря
И поля, перелески.
Ночью звёзды горят
В изумительном блеске.

Снова ты говоришь
В безнадежной обиде:
«Не увидим Париж...»
Успокойся, увидим.

Вероятно, во сне,
На цветочной лежанке.
Наша ночь по весне
Пахнет как парижанка!

* * *

Жемчужина рождается из боли
Нечаянным касанием стихий.
Какою-то неведомою волей
мучительно слагаются стихи.

Жемчужина сияет перламутром,
В себе песчинку грубую укрыв.
Стихи, на свет явившиеся утром, –
Бессонной ночью вскрывшийся нарыв.

Земная суть гармонии природы
Известна человечеству давно –
Прекрасного болезненные роды...
И свыше нам иного не дано.

* * *

У природы свои чудеса
Есть для каждого времени года.
У неё золотые леса,
Солнце ясное и непогода.

Уравняет судьба на весах
И удачи мои и невзгоды,
И замедлится ход колеса,
где на спицах написаны годы.

Если будут на свете леса,
Лучезарная высь небосвода,
Если утром земная краса
Заглядится в зеркальные воды,

Если будет свирель соловья
И черемуха белая тоже –
значит, буду на свете и я,
А не буду – печалиться что же?

Остаётся земная краса,
И небесная высь сохранится.
Отпущу свою душу в леса
Я на вольную волю синицей.

чение Пушкина. Безусловно, дорог нам он своими именно вдохновенными произведениями. Острый и ясный ум Пушкина в соединении с тонким вкусом, словесным тактом и литературным образованием – всё это вступало в права, когда исчезал «быстрый холод вдохновенья», и надо было окончательно отделять по суждению ума то, что создано по высшему наитию.

Первая аксиома: поэт не волен в своём творчестве. Свобода творчества не имеет ничего общего со свободой воли. Как ясно из свидетельства Пушкина, творчество свободно не в том смысле, чтобы ум мог по своему заранее обдуманному намерению создавать поэтические произведения. Такие сочинения только подделки под поэзию. Настоящая же свобода творчества в том, что в минуту вдохновения душа повинуетя лишь тому, что входит в нее как родственное из надсознательной области и имеет своим предварительным условием пассивность, чистую потенциальность ума и воли.

Думаю, тут читатель уже припомнил рубцовское «О чём писать – на то не наша воля». Только к сказанному необходимо добавить: поэтический гений не зависит от самостоятельности ума, ум и воля в потенциале – вдохновение не лишены самосознания. И не имеет ничего общего с тем состоянием, когда графоманы впадают в раж, принимая его за вдохновение.

Волга впадает в Каспийское море

Герой рассказа Чехова «Учитель словесности» говорит только общеизвестные вещи: «Лошади кушают овёс. Волга впадает в Каспийское море». Давайте вспомним о значении слова «трюизм» – общеизвестная, избитая истина, банальность; сделавшееся достоянием толпы положение, мнение»...

И стихотворные строки, увы, могут стать трюизмом.

Открывая книгу стихов Александра Бочкарёва, мы в первом её разделе «Святое издали видней» частенько сталкиваемся именно с этим. Очевидно, что повествовать об отце-матери, бабушке-деде, родном доме, о войне и Дне Победы, службе в армии, возвращении поэт решался умом. Согласимся: предки, родина, война, с которой не вернулся отец, – это святое для любого человека. И дума как же не написать об этом? верна, и сердце с ней согласно.

Но другое дело, что из этого получится. А получилась в большинстве попыток банальность, тем более обидная, что речь-то о святом. Многие стихотворения оставляют читателя равнодушным, не становясь событием, явлением поэзии. И это закономерно: нет вдохновения в плоско выданной информации. Если автор счёл, что достаточно её самой, раз повествует она о войне и о человеке труда, о верности родине и прочих почтенных вещах, то он ошибся. Информация годна для автобиографии, но не может претендовать на поэтический жанр и внимание читателя, который про это уже читал, и не раз, но написанное талантливо. Обратимся, к примеру, к стихам о поколениях.

На свет явилось наше поколение
К началу тех годов сороковых,
Которым уж дано определенье
Трагических, суровых, роковых.

Верно. И само определенье сороковых, и то, что «уж дано» оно так часто, что только произнесённое «сороковых» тут же тянет за собой «роковых». Помните, Пушкин подтрунил над подобной ситуацией, одновременно изящно предотвращая банальность, всего лишь рифмы банальность: «Читатель ждёт уж рифмы «розы»? На вот, возьми её скорей». А наш поэт способствует превращению «сороковых роковых» в трюизм, не задумываясь и не трудясь родить собственное, употребить незаёмное.

Искали мы у жизни не наживы,
А честные и верные пути...
Ровесники не все сегодня живы.
Изведать жизнь – не поле перейти.

Высоцкий к нам пришёл
от коммунистов,
А Пушкин, Лермонтов
подарок от царя.
Поэт бывает ярок и неистов
Желанию свобод благодаря.

Стиль пустопорожней агитки заканчивается опять не собственной мыслью – такого движения, как мысль, в стихотворении нет вообще. Есть примитивная фиксация представления автора о сложном – целом поколении.

Повторять народную мудрость, пусть избитую от частого употребления, может поэт, работающий по вдохновению, как Борис Пастернак в «Гамлете»: возвышая расхожее от общего места, трюизма до Откровения («Гул затих, я вышел на подмости...»). А Бочкарёв снизил, измельчил, на что, ей-богу, не имел ни разумной причины, ни права – как поэт с искрой божьей. Но о бочкарёвской божьей искре поговорим позже, а пока придётся продолжить разбор творчества в рамках жанра рецензии.

Вспомним Василия Твардовского, высказавшегося о стихах одного банального поэта: всё, мол, верно, «а в целом вот как несъедобно, что в голос хочется завывать!». Оно применимо и к Бочкарёвским строфам: «Вам сегодня, ветераны, мы желаем много счастья. Пусть не ноют ваши раны от обид и от ненастья» («День Победы») или «Потомкам рода Бочкарёвых желаю счастливо прожить, детей разумных и здоровых, готовых Родине служить».

Годятся эти строфы и для чтения за столом в качестве тостов, но, честно говоря, даже для такой потребности слабовато именно в силу трюизмов.

О пользе требовательности к себе

Нет силы более доброй и беспощадной, чем поэзия. Или ты владеешь поэтическим словом, или нет – всё видно.

Как назвать автора последней строки? Компрачикос фразы (Гюго «Человек, который смеётся»), который выворачивает ей суставы так, что до смысла доберётся не каждый. Да и зачем? Проще захлопнуть книжку со словами: поэзия – это мура. Но ведь это не поэзия, а насилие над синтаксисом в извращённой форме. А поэзия – она есть в книге Бочкарёва. Добрая половина – настоящая, истинная поэзия. Но другая такова, что вспоминаешь того чувствительного к родной речи барина, который при малейшей попытке своего слуги сообщить ему нечто большее, кроме факта, грозно обрывал: «Не рассуждать!!!», потому что слуга был резонёром. Там, где Александр Бочкарёв не резонёрствует, – он поэт. Или наоборот: когда он поэт, то не резонёрствует. А происходит это, если ум его не неволит Музу, как не неволил её Пушкин. В приведённой здесь подборке стихов Бочкарёва лучшие, на наш взгляд, стихи из его книги, свидетельствующие о несомненном поэтическом даровании.

О вершинах и причинах

Угасли дочери в чахотке,
Войной убиты сыновья.
Я видел скорбь в твоей походке,
Родная бабушка моя.
Жила и находила силы
При всех не плакать о судьбе,
А слёзы тайные носила
Солёным омутом в себе.

Вот этот солёный омут – поэтический образ, он и делает погоду. Воочию видишь бабушку и проникаешься пронзительным чувством любви и сострадания к ней. В стихотворении не видно усилий «сказать красиво и в рифму».

А оно трогает. Если препарировать почему, литературовед добавит: скорбь в походке – и эта деталь делает бабушку живой. Деталь! Вот что создаёт образ, а не эпитеты и громкие слова. Как ни начинай ими произведение – всё пустозвонство. Причины хороших стихотворений в истинных чувствах, а не в желании порифмовать, пусть даже умелом...

Существует такой особый род жизнедеятельности – рифмованная гладкопись. Но о ней поговорим, когда представится случай. У Бочкарёва гладкописи нет. А есть только откровенно слабые стихи и стихи очень сильные, где забываешь, что он говорит в рифму. Поэтическая речь тут выстраивается органично, без единой запинки входя в душу.

Это стихи не только и не столько «о природе». Вот где истинный любовный роман с миром, рождающий бессмертные перлы! Вот где – его тема. Она –

вершина творчества Александра Бочкарёва. Думается, он её не покорял (наильно, как свою музу). Просто в стихах о природе высвечивается реальное душевное содержание поэта, а не его попытки зарифмовать всё, что он счёл нужным. Бочкарёв – пантеист в храме природы, и именно здесь он силён – естественностью.

Есть у истинно поэтических творений одно свойство. Наличие его в каждой конкретной вещи трудно доказать (даже просто показать). Читатель либо чувствует его присутствие, либо нет. Свойство это – *энергия*, заключённая в стихотворных строчках. Какого рода происхождения – неведомо, но то, что она передаётся – факт. Думается, хороший читатель почувствует её в приведённой подборке «Прекрасного болезненные роды». Читатели, они ведь, как поэты, – тоже удивительно разные...

Вера Арямова